

### 139. Сказка о Иванѣ Златоусомѣ.

Записано свящ. Н. Блиновымъ въ Карсовайскомъ приходѣ Глазовскаго уѣзда.—Напечатано въ „Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1865 г., № 67, стр. 266 — 267, въ статьѣ „Иностранцы сѣверо-восточной части Глазовскаго уѣзда. Дополненіе къ статьямъ о Карсовайскомъ приходѣ“. — По замѣчанію автора, „изъ этихъ памятниковъ народной поэзіи [кромѣ печатаемой ниже сказки объ Иванѣ Златоусомѣ, въ статьѣ приведены еще два „наговора“, одинъ „заговоръ“ и „разсказъ крестьянина о женитьбѣ сына“] довольно ясно высказываются нѣкоторыя стороны міровоззрѣнія Глазовскихъ *пермяковъ и вотяковъ*“. Какой именно изъ этихъ двухъ народностей принадлежитъ сказка, въ статьѣ не сказано. Можно лишь догадываться, что сказка — вотяцкая.

1. Въ нѣкоторомъ царствѣ жила старушка; у той старушки былъ сынъ Иванъ. Дивно было то, что у Ивана были усы золотые; ради этого отличія онъ мало мѣшался межъ людьми.

Когда онъ уже выросъ, то въ царство прилетѣла золотая птичка. И захотѣлось царю ее поймать. Созвалъ онъ цѣлое войско и велѣлъ ловить золотую птичку. Но поймать ее никто не могъ. Просился Иванъ Золотоусый: „Отпусти меня, матушка, словить эту птичку!“ — „Нѣтъ, — сказала мать:—не ходи! иначе наживешь много злочастья!“

На другой день царь созвалъ всю свою рать и обѣщалъ полцарства тому, кто поймаетъ птицу золотую; но поймать никто не могъ. Просится Иванъ у матери, говоритъ: „Вѣдь никому кромѣ меня не поймать!“ — Но мать не хочетъ пустить и теперь.

На третій день царь созвалъ весь свой народъ и обѣщалъ все царство тому отдать, кто словить золотую птичку. Не могла вытерпѣть мать, отпустила Ивана Золотоусаго.

А онъ птичку тотчасъ же поймалъ, пошелъ къ царю и сказалъ о поимкѣ. Царь удивился; а Иванъ велѣлъ затворить всѣ двери и окна и пустилъ птицу. Какъ она летала, такъ все отъ нея сіяло и свѣтъ, во всѣ стороны, такъ и выходилъ.

2. Тутъ царю не захотѣлось отдавать свое царство. И вотъ онъ сказалъ Ивану: „Отдамъ я тебѣ обѣщанное, только сдѣлай, что я тебѣ прикажу: есть за моремъ-окіаномъ дѣвица золотокошая, вотъ ты ее привези мнѣ!“

Велѣлъ Иванъ снарядить себѣ легкія повозки—корабли значить; взялъ съ собой войска не мало да игры разныя.

Какъ переѣхали окіанъ-море и стали подѣзжать къ берегу, Иванъ велѣлъ играть на играхъ разныхъ; а царевна золотокошая на ту пору была въ церкви. Не могла она вытерпѣть, услышавъ такія игры; вышла на паперть да и сама велѣла заиграть. Вотъ они стали играть пуще да пуще; повозки ближе къ берегу, а царевна ближе къ морю. Этакъ царевна и на корабль пришла.

А между тѣмъ Иванъ Золотоусый сказалъ своимъ корабельникамъ: „Какъ мы уснемъ, такъ вы скорѣе и отплывите! а то она не поѣдетъ съ нами“. — Вотъ они играли, играли, — царевна ближе, ближе къ Ивану, да и заснули они: умаялись видно. Корабельники поскорѣе отъ берегу и отѣхали, да такъ и привезли въ свое царство.

3. Царь и задумалъ на ней жениться. А царевнѣ золотокошой не охота идти за него: вишь, Иванъ поглянулся.

Царь, чтобы сбыть Ивана Золотоусаго, говоритъ ему: „Есть посередь моря перстень золотой: поди достань его!“ — А самъ на каждую ногу Ивана по три фунта желѣзны ходули надѣлъ, да палку желѣзную въ руки далъ.

4. Пошелъ Иванъ по берегу моря-окіана. Шелъ онъ долго ли коротко ли, и дошелъ онъ до лѣсу. А въ лѣсу стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ. Вотъ и говоритъ Иванъ: „Избушка, избушка, стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ!“ — Избушка повернулась. А жилъ тутъ Чучка видно. Вотъ и говоритъ онъ: „Фу, фу, русскимъ духомъ пахнетъ! Кто тамъ?“ — „Я Иванъ Золотоусый. Пусти въ избу“. — „Пустить пушу, только съѣмъ!“ — „Ладно! Напой, накорми, постелю постели, въ головы садись—хоть слушай, хоть ѣшь меня!“

Накормилъ его Чучка; сѣлъ въ головы, а Иванъ разсказалъ о томъ, куда и зачѣмъ идетъ. — „Трудно дѣло,—говоритъ Чучка:—надо напередъ идти къ птицѣ Паву. Если въ часъ угадаешь, то ладно. Надо поднаровить придти безъ него, все-таки лучше...“

5. Иванъ послѣ еще былъ въ двухъ избахъ. Узналъ, гдѣ Павъ живетъ, и пришелъ къ его гнѣзду. А гнѣздо на четырехъ дубахъ, ровно городъ какой. Пава нѣтъ дома, одни дѣтеныши. А тутъ на бѣду и прилетѣла птица Давыдъ и хотѣла унести Павиныхъ дѣтей. Иванъ какъ махнетъ желѣзной палкой, такъ оба крыла и подшибъ, а потомъ и совсѣмъ Давыда убилъ.

Увидѣли Ивана Павины дѣтеныши и говорятъ: „Какъ мы тебя сбережемъ? Павъ не разберетъ—убьетъ съ перваго же разу! Сядь пока въ *колкннша*“ (яичныя скорлупы, оставшіяся послѣ вышедшихъ цыплятъ).—Залѣзъ Иванъ да и птицу Давыда затащилъ туда же.

Летитъ Павъ—птица больше всѣхъ на свѣтѣ, и садится на трехъ дубахъ.—„Фу, фу, русскимъ духомъ пахнетъ! Иванъ Золотоусый здѣсь. Не знаю только, гдѣ онъ спрятался, а то бы съѣлъ его!“—„Нѣтъ, ты не обидь его!—говорятъ дѣтеныши:—кабы не онъ, утащилъ бы насъ Давыдъ-птица“.—„Ладно!—говоритъ:—гдѣ онъ?“—Дѣтеныши сказали. А Павъ на воздухъ такъ и поднялъ Ивана. Увидѣвъ убитаго Давыда, повѣрилъ Павъ и говоритъ: „что надо, все сдѣлаю!“

6. Объяснилъ Иванъ, зачѣмъ пошелъ.—„Ладно,—говоритъ:—этому горю можно помочь; кольцо я видѣлъ. Такъ вотъ что: какъ махну я крыльями, такъ вѣтромъ воду въ морѣ кверху подниму; послѣ какъ станетъ вода опускаться, то смотри: одна щука на верху останется; ты ее слови—она теперь какъ быть заглотила кольцо!“

Вотъ Павъ всколыхалъ море и поднялъ его вѣтромъ кверху. Какъ стала вода опускаться, Иванъ крюкомъ и подхватилъ оставшуюся наверху щуку; распоролъ ее и досталъ перстень. Въ это время спали съ него и ходулица. А Павъ, за спасенье дѣтей, на себѣ Ивана въ царство его еще отнесъ.

7. Увидѣлъ царь, что Ивану Золотоусому во всемъ удача, отдалъ паревну Золотокосую, на которой чуть было не обвинчался безъ Ивана. Да и царство по старому условію отдалъ. И зажилъ Иванъ.